

Захар Прилепин

НЕ ЧУЖАЯ СМУТА

Один день — один год

АСТ
Москва
2015

УДК 821.161.1-32
ББК 84(4Рос=Рус)
П76

Оформление переплёта — *Андрей Ферез*

Прилепин, Захар.
П76 Не чужая смута. Один день – один год / Захар Прилепин. – Москва : АСТ, 2015. – 666, [6] с. – (Захар Прилепин: публицистика)

ISBN 978-5-17-089798-8

Захар Прилепин — прозаик, публицист, музыкант, обладатель премий «Большая книга», «Национальный бестселлер», «СуперНацБест» и «Ясная Поляна». Автор романов «Обитель», «Санька», «Патологии», «Черная обезьяна», сборников рассказов «Грех», «Ботинки, полные горячей водкой» и «Восьмерка».

Новая книга публицистики «Не чужая смута» посвящена украинско-русской трагедии 2014 года. Репортажи, хроника событий, путевые очерки из поездок по Новороссии тесно переплетены с размышлениями о русской истории, русской культуре и русском мире.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(4Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-089798-8

© Захар Прилепин
© ООО «Издательство АСТ»

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вместо предисловия</i>	7
<i>До всего</i>	9
<i>Вступление в тему. «Дайте им досмотреть свои сны»</i>	24
Часть первая. Зимние записи. Майдан	29
Часть вторая. Весна в Крыму	81
Часть третья. Разночтения и разногласия	173
Часть четвёртая. Война	281
Часть пятая. Военкоры и сепаратисты	363
Часть шестая. Карусель	447
Часть седьмая. Новороссия продолжается	581
<i>Ко всему</i>	665

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Начнём, казалось бы, издалека (на самом деле — нет, начинаем с того, что под рукою). Древнерусская литература пребывала в круговороте священной истории.

Несмотря ни на что, древнерусская литература даёт ощущение умиротворения, смирения, мирооправдания. Посреди любого из этих слов — мир.

С миром в сердце мы живём посреди мира земного. Эти ощущения унаследовали Пушкин, Толстой, Блок, Есенин.

Издравле русский народ жил от одного евангельского праздника до другого.

События Нового Завета воспринимались как происходящие — здесь, сейчас и всякий раз — внове.

Так мы стали воспринимать и свою историю. Так наша история стала воспринимать нас.

Раз в столетие случалась великая победа — очередное спасение Руси, или великое потрясение,

или иная невидаль, вроде путешествия в Индию или в космос. Эти дни и дни русских святых пополняли евангельский круговорот, но не изменяли его.

Кто-то говорит, что это заколдованный круг. Ну, хорошо, пусть круг — но это не тупик.

Это карусель русской истории, которая никогда не наскучит.

В четырнадцатом году третьего тысячелетия нам в очередной раз показалось, что мы летим в тартары. А мы просто зашли на очередной круг.

Была прозрачная погода, и всё вокруг было особенно резко вычерчено.

Чуть прищурившись, можно было увидеть всё те же лица, знакомые нам по нашей такой юной, такой древней истории: воители, праведники, бунтари, мытари, вельможи, юродивые.

Благодарение, что нас вновь не обнесли этой чашей.

Подробно останавливаться на тех или иных событиях минувшего года незачем. Чем больше на них смотришь, тем чётче осознаёшь, что они уже случались не раз.

Просто мы их ещё в нашей земной жизни не видели — но теперь многое показали и нам.

В этой книге куда чаще будет идти речь о том, как те же самые события выглядели прежде.

Нет смысла отвечать за чужую историю, но про свою мы теперь в очередной раз знаем точно — у неё нет «прогресса». Само это слово смешно и надуто, как воздушный шарик. Прикоснись острым — и он лопнет, детям на смех.

Разве может быть «прогресс» у вечности?

Крутись, карусель.

ДО ВСЕГО

Этот год назревал, и однажды посыпался как град. Короткую антиутопию о том, что Украина распалась на две части и там идёт гражданская война, я написал ещё в 2009 году.

Не скажу, что я один был мучим подобными предчувствиями. Любой зрячий мог это предвидеть.

В мае 2013-го мы сидели посреди солнечного Киева, неподалёку от Крещатика, с украинскими «леваками» и прочими разумными ребятами из числа местной интеллигенции — которых, впрочем, в силу отсутствия у них «оранжистских» иллюзий, патентованные украинские элитарии числили по разряду маргиналов.

Тогда, за полгода до Майдана, мы много говорили обо всём, что через полгода странным и страшным образом сбылось.

Наши разговоры были записаны и вскоре обнародованы.

Когда события, ныне всем известные, начались — нам не пришлось выдумывать наши речи, чтоб оказаться постфактум самыми прозорливыми, и кричать: а мы знали, а мы знали!

Мы знали.

Пожалуй, приведу несколько цитат из наших бесед — вы можете легко проверить, что публикация их состоялась, когда ещё ни одна покрывка не дымилась в центре Киева.

Приезжаешь, бывает, — говорил я, — в какую-нибудь не очень далёкую страну — из числа республик СССР или стран Варшавского блока, и через какое-то время ловишь себя на одном болезненном чувстве: в этой стране идёт тихая реабилитация фашизма. Неужели никто ничего не замечает?

Не подумайте, что это выражается исключительно в русофобской риторике, зачастую характерной для иных зарубежных медиа, — к таким вещам мы давно привыкли. Нас не обязаны любить, да и не любить нас тоже есть за что: наследили, накопытили.

Проблема в другом. Собственную идентичность эти страны ищут почему-то в тех временах, когда они носили фашистскую форму, отлавливали местных евреев и переправляли куда велено, а потом яростно воевали с «большевистскими оккупантами».

И при этом, едва, к примеру, я оказываюсь в Европе, местная пресса тут же начинает трепать меня на предмет «русского деспотизма», всяких там нацболов и новейшей сталинианы.

«Побойтесь Бога, — всякий раз хочется мне сказать, — у вас тут в половине соседних стран полиция

одевается так, что их от полицаев 1941-го не отличишь, памятники ставят профашистским головорезам — а вы всё в России ищите то, что у самих под боком».

Но то, что у них под боком, они не очень хотят видеть — все эти страны понемногу ползут в разнообразные евросоюзы, и вообще, в отличие от России, воспринимаются как вполне цивилизованные.

Другое моё удивление связано с тем, что если встретишь в описанной выше стране российского либерала — на гражданском форуме ли, в кафе ли — то сидит он зачастую в кругу той публики, среди которой его в принципе быть не должно.

В России наши патентованные либералы собаку съели на борьбе с «фашистами»: ищут (и находят!) их то под лавкой, то на чердаке, то в газете, то на митинге; но едва выберутся за кордон к ближайшим соседям — как нюх пропадает.

Или, наоборот, обостряется?

В нашей стране они только и делают, что говорят об «авторитаризме» и «националистическом реванше», вне её пределов ничего подобного не различают при самом ближайшем рассмотрении.

...Попивая киевское разливное, мы всё это обсуждали с одним украинским парнем из «левых», Виктором Шапиновым.

— Россияне вообще обычно не разбираются в украинской политике, думают штампами, — рассказывал Шапинов. — О поклонниках УПА, батальона «Нахтигаль» и дивизии СС «Галичина» в российских либеральных СМИ часто пишут как о «демократах».

Мы даже отправили в редакцию «Эха Москвы» открытое письмо, когда новостная служба этой уважаемой радиостанции написала о пришедших в зал заседаний Киевсовета нацистах-боевиках в масках и с ножами как о «гражданских активистах». Эти «гражданские активисты» также развернули там знамя с «кельтским крестом» — известным европейским неонацистским символом. Так вот, «Эхо» нам так и не ответило... На митингах антипутинской оппозиции я сам пару раз видел знамя организации «Свобода» — а это ультраправая, неонацистская партия. Один из её лидеров, ныне депутат парламента, выпустил для «партийной учёбы» сборник статей Геббельса, Муссолини, Рёма, Штрассера и других фашистских преступников.

— Что побуждает часть украинских политических элит искать своих предшественников именно в тех временах? — спрашивал я, имея в виду Вторую мировую и прямых перебежчиков на сторону нашего тогда ещё общего врага.

Ответ мне был известен заранее, но я сверял свои ощущения с тем, что думают украинские знакомые.

— Ключевым моментом здесь является антикоммунизм, — отвечали мне. — Героями и «отцами нации» должны быть все, кто боролся с коммунизмом. А в тридцатые-сороковые флагманом борьбы с коммунизмом была нацистская Германия. Вот поэтому и героизируются Бандера, Шухевич и другие коллаборационисты. Историю украинского государства приходится вести от этих «героев». Иначе придётся признать, что сегодняшняя украинская государственность — это продукт позднесоветской бюрократии.

тии СССР, которой было выгодно не подчиняться общесоюзному центру в условиях начавшегося раздела общенародной собственности. Проще говоря, украинская часть советской бюрократии хотела сама определять, что и кому достанется на подконтрольной ей территории. Именно этот корыстный и далёкий от национальной духовности мотив и был основой создания независимой Украины. А национализм был лишь удобной ширмой для прикрытия масштабнейшего передела собственности.

— Что здесь думают по поводу российских либеральных деятелей — им-то всё это зачем? — спрашивал я.

— Думаю, и здесь цементирующим звеном является всё тот же антикоммунизм. Сотрудничество российских либералов и крайне «правых» в бывших советских республиках — это не случаи, это система. Для нас самое печальное — это поддержка, прежде всего — медийная, партии «Свобода», бывшей Социал-национальной партии. Ксенофобская и расистская программа партии «Свобода», агрессивная риторика её вождей, в разные годы призывавших своих сторонников «бороться с жидами и москалями», советовавших русскоязычным детям в детских садах Львова «паковать чемоданы и уезжать в Москву», известна всем в Украине. Почему на это закрывают глаза у вас — большой вопрос.

Наша так называемая оппозиция — это блок либералов (Кличко), национал-либералов (Яценюк) и, прямо говоря, фашистов («Свобода» Тягнибока). Заключение такой союз, либералы втащили фашистов в большую политику. Приход фашистов в парламент

поддерживала и власть, предоставляя им несоразмерное их тогдашнему рейтингу место на ТВ. Да и прямо финансируя их — есть свидетельства получения денег Тягнибоком прямо в Администрации президента Януковича. Есть факты, когда мероприятия ВО «Свобода» проводились в помещениях, принадлежащих депутатам Партии регионов Януковича. Проблема власти в том, что она думает всех перехитрить, «развести» каким-то хитрым политтехнологическим приёмом. Фашисты давно приобрели собственную динамику, это уже не просто «проект власти», как думали многие ещё год назад. Приход к власти фашистов реальнее, чем мы думаем.

Вскоре к нашему разговору подключился Андрей Манчук, один из лидеров украинской «левой» партии «Боротьба»:

— Националистическая идеология всегда являлась обратной стороной медали украинского капитализма, — делился Манчук. — Она призвана утверждать право буржуазии на господство в нашей стране, выводя традицию её власти прямо из трипольских горшков и из шароварных штанов казацких гетманов — а также легитимизируя результаты приватизации производственных активов Украины, созданных трудом миллионов людей в «тоталитарные» времена.

Нужно понимать, что в Украине пропаганда демонизировала «левых» в значительно большей мере, чем в России, где буржуазные элиты используют те или иные образы или фрагменты из идеологии

ческого наследия советской эпохи. Сама левая идея представляется у нас в Украине как нечто априори чужеродное всему украинскому, принесённое сюда на штыках «московской орды». Здесь растёт целое поколение, которое учили, что коммунисты — это коварные, жестокие, развращённые чужаки, которые зверски и умышленно уничтожали голодом и репрессиями украинский народ, его язык, культуру, и прочее. Эта позиция — основа праволиберального консенсуса, который является альфой и омегой украинской буржуазии.

Конечно, эти утверждения ложны — потому что большинство классиков украинской культуры, включая Ивана Франко, Лесю Украинку, Коцюбинского, Тычину, Винниченко и др., были людьми социалистических убеждений, Украина дала блестящую плеяду коммунистов-революционеров, украинские низы активно поддержали большевиков, а победа советской власти стала предпосылкой для небывалого расцвета украинской культуры, впервые эмансипировав украинский язык и поставив на ноги украинское образование. Но сейчас это замалчивается самым циничным образом — а в ход идут позорные мифы о том, что коммунисты якобы расстреляли специально собранный для этого съезд музыкантов-кобзарей, что в пятидесятых годах харьковских студентов казнили за требование сдавать экзамены на украинском, что украинским солдатам давали перед атакой на немцев кирпичи вместо оружия, и так далее. Но уровень образования низок, уровень пропаганды высок, и есть те, кто этому верит.

Месяцем позже, в сентябре, мы обсуждали те же самые темы с киевским литературным критиком, которого зовут Ефим Гофман.

Говорили, ещё посмеиваясь, ещё подшучивая, о весьма странном феномене: «киевском русском оранжизме» — то есть о людях, которые воспитаны в рамках русской культуры, но, выходя на Майдан (до самого Майдана, напоминая, оставалось ещё несколько месяцев), ведут себя как завзятые русофобы.

— Я помню ещё времена, когда под понятием «либерализм» в среде интеллигенции подразумевалось не то, что сейчас, — рассказывал Ефим. — Речь шла о соблюдении прав человека, о свободе как важнейшей общечеловеческой ценности, о плюрализме, толерантности... Неслучайно ведь прилагательное «либеральный» в быту ассоциируется с проявлениями мягкости, терпимости. А нынешние либерально-тусовочные умонастроения — совсем другие. Из всей совокупности прав человека вычленяется одно-единственное, расцениваемое в качестве главного: право на частную собственность и её неприкосновенность. Гарантией его соблюдения является стабильный режим рыночной экономики.

Что же до остальных прав, то — весьма интересная складывается ситуация. Новоявленные либералы ненавидят всё, что отдаёт «совком», настроены на волну тотального антикоммунизма. А вот логически-понятийный аппарат этих людей работает в режиме... так называемого марксистского образа мыслей, который они так яростно отвергают. На самом деле — не марксистского, если иметь в виду под-

линный марксизм. Весь вопрос в том, что они мыслят в духе упрощённых схем из советско-вузовского казарменного курса общественных дисциплин. Они полагают, что есть базис — рыночная экономика, а есть надстройка — всё остальное. Если будет установлен стабильный рынок, то остальные свободы-права автоматически придут в действие.

Совершенно понятно, что Соединённые Штаты Америки для нынешних русскоязычно-украинских либералов — неукоснительный ориентир. Показательно, что ни провальные результаты российского ельцинско-гайдаровского эксперимента девяностых годов, ни судьбы многих стран «третьего мира», уже веками пребывающих в ситуации «дикого капитализма», нисколько не отрезвили русских оранжистов. К сомнениям эта среда не склонна. Самостоятельное мышление в среде русских оранжистов не является престижным...

Ну вот, казалось бы: тот же интернет сейчас даёт возможность доступа к разнообразным информационным источникам. Столько новых точек зрения появилось, ставящих под вопрос систему представлений рубежа восьмидесятых-девяностых годов. Оранжистам же это всё — по барабану! Они предпочитают держаться за прежние догмы, искусственно взвинчивая и самих себя, и друг друга.

Возвращаясь же к Америке, то её внешнеполитический курс для оранжистов также является вопросом, не подлежащим обсуждению. Равняйся — смирно! Отсюда вытекает и их априорное недовольство Россией, и их априорная лояльность по отношению к «украинской идее».

* * *

— Это всё очевидно, — говорил я, но ещё пытался едва ли не в шутку объяснить происходящее хоть какими-то рациональными вещами. — Некоторые меркантильные соображения — они имеют место быть? — спрашивал я. — Гранты, то-сё?

— Отчасти — да. Но лишь отчасти, — отвечал Гофман. — В среде киевских русских оранжистов вполне хватает бескорыстных фанатиков. Не преследующих никаких личных выгод, не относящихся к категории преуспевающих. И, что самое главное, полностью смирившихся, принявших как норму процесс дискриминации своего родного русского языка, своей родной русской культуры. На Украине этот процесс имеет место уже более двух десятков лет, но при правлении Виктора Ющенко антирусская пропагандистская вакханалия достигла своего апогея.

В Киеве на сегодняшний день — считаное количество русских школ. Перекрыты возможности получения высшего образования на русском языке. То есть — возможности духовной, профессиональной, творческой реализации значительной части населения. А киевские оранжисты, в быту изъясняющиеся исключительно по-русски и на украинский переходить не собирающиеся, смотрят на подобные вещи с каким-то поразительным олимпийским спокойствием.

Взять хотя бы прошлогоднее выступление известного киевского кинорежиссёра Романа Балаяна в одной из киевских газет...

— Это один из моих любимейших режиссёров, надо сказать, — уточнял я. — Смотрел все его филь-

мы, начиная с «Бирюка», и половина из них — шедевры. Снимает он их, как я понимаю, по-прежнему на «Мосфильме».

— Да, человек ставит свои фильмы исключительно в Москве, на «Мосфильме», работает с известнейшими российскими актёрами, экранизирует русскую классику. А в интервью заявляет, что потребность в русском языке испытывают на Украине лишь люди старше сорока лет, которые «не могут прочесть инструкции к лекарствам, к налоговым платёжкам, счета коммунальных услуг»...

— Но сейчас у власти всё-таки не оранжевые, а Янукович. Как ваши пресловутые киевские русские оранжисты поживают?

— Влиятельные тусовки у нас по-прежнему — оранжевые, националистические.

В руках у них — а не у власти! — ведущие электронные украинские СМИ: и телевидение, и радио. И большинство украинских газет.

Настроения в среде киевских оранжистов ни сколечко не поколебались. В обозримом будущем, скорее всего, изменится лишь фамилия в оранжистских предвыборных речёвках: было «Ю-щен-ко!», станет «Я-це-нюк!». И другая фамилия встроилась в тот же ритм: «Тяг-ны-бок!».

— Отсутствие серьёзного слоя аристократии, а затем — интеллигенции, пагубно сказалось на развитии украинской культуры, — продолжал Ефим. — Какие бы талантливые явления в ней ни случались, они, в отличие от российской ситуации, не имеют пока шансов стать самодостаточными и влиятельными